

Ордена Ленина ИНСТИТУТ ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ
им. М.В. Келдыша
Российской академии наук

С.Ю.Малков

**Социальная самоорганизация и кризисы в России
Гуманитарные аспекты поддержки принятия и
реализации решений**

Москва
2011

**С.Ю.Малков. Социальная самоорганизация и кризисы в России.
Гуманитарные аспекты поддержки принятия и реализации решений**

АННОТАЦИЯ

В работе рассматриваются гуманитарные аспекты, которые необходимо иметь в виду при формировании социально-экономической политики, как на региональном, так и на федеральном уровне. Эти аспекты отражают особенности социальной самоорганизации российского общества, имеющие глубокие исторические корни, они должны учитываться при выработке мер по преодолению современного финансово-экономического кризиса.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №08-03-00203) и РФФИ (проект №08-06-00319).

S.U.Malkov. Social self-organization and crises in Russia. Humanitarian aspects of supporting in adoption and realization decisions.

ABSTRACT

The brochure deals with humanitarian aspects that should be considered on region and federal levels while working on social-economy policies. These aspects should include Russian society self-organization features that root from historical path. Also these aspects should be taken into account in the conditions of economy-financial crisis today.

Work is executed at support of RFH (Project #08-03-00203) and RFBR (Project #08-06-00319).

Оглавление

Введение (чего не хватает в Программе антикризисных мер Правительства РФ)	4
I. Российская специфика: история.....	5
II. Российская специфика: современность	13
Заключение	18
Раздел 1. Дилемма «Запад - Восток»: закономерности различий.....	20
Раздел 2. Дилемма «Запад-Восток» и путь России.....	29
Раздел 3. Справочные демографические и экономические данные	39
Литература	40

Введение (чего не хватает в Программе антикризисных мер Правительства РФ)

Разразившийся мировой финансовый кризис остро поставил вопрос о выработке оптимальной стратегии его преодоления как на уровне страны в целом, так и на уровне отдельных регионов. Правительство РФ опубликовало Программу антикризисных мер на 2009 год (<http://www.premier.gov.ru/anticrisis>) и развернуло процесс её обсуждения в обществе. В Программе много правильных слов, но после ознакомления с ней остается чувство внутренней неудовлетворенности, причинами которой, в частности, являются следующие:

- отсутствует анализ причин кризиса (коротко обсуждаются лишь его особенности), без чего невозможна оценка адекватности предлагаемых мер;
- отсутствует формулировка стратегических целей Правительства в условиях кризиса (изложенные в документе приоритеты политики являются набором средств, но не целями; соответственно, Правительство предстает как пожарная команда, тушащая внезапно разгоревшийся пожар). Без формулировки целей трудно оценить эффективность предлагаемых средств;
- по существу, рассматривается только экономический аспект кризиса. Предлагаемые меры – в основном финансового свойства: сколько кому дать денег. Этим неявно предполагается, что выделение денег может решить все возникшие проблемы. Между тем, проблемы более глубокие, они связаны с устойчивостью, обеспечением единства и консолидации современного российского общества, лежат в организационной и идеологической сфере.

Реально, происходящий кризис является кризисом либеральной модели социально-экономического устройства, усиленно навязываемой США и их союзниками всему остальному миру на протяжении последних десятилетий. В ходе реформ 90-х годов эта модель была навязана России, что привело к социальной, экономической и демографической деградации общества. Западные рецепты давали не положительный, но отрицательный эффект. И дело здесь не столько в особенностях российской экономики, сколько в других, более глубоких культурно-цивилизационных особенностях. Без понимания этих особенностей невозможна реализация принимаемых на государственном уровне решений по развитию России и, в частности, по преодолению последствий текущего кризиса.

О каких особенностях идет речь? Как их учитывать при принятии решений?

I. Российская специфика: история

О культурно-цивилизационных особенностях России идут жаркие дискуссии на протяжении уже нескольких столетий. Находясь между Западом и Востоком, Россия не раз пыталась пойти и по западному и по восточному пути развития. Однако исторический опыт показывает, что эти попытки не имели особого успеха. Почему возникают постоянные трудности при адаптации зарубежного опыта на российской почве, почему ей приходится постоянно торить свою дорогу? Этим темам посвящены десятки книг, но единого мнения нет. Целесообразно взглянуть на данную проблему с позиций анализа закономерностей социальной самоорганизации, используя результаты математического моделирования устойчивости социальных структур (см. (Малков, 2009), а также разделы 1 и 2 Приложения). Результаты этого анализа следующие:

1. Общества Западного и Восточного типа отличаются тем, что в них реализованы два способа институциональной организации, *резко различающиеся по форме и содержанию*, но обеспечивающие (и в том, и в другом случае) достаточно высокую устойчивость функционирования социума. Конкретные, реально существующие социумы в зависимости от сложившихся внешних условий эволюционируют либо к первому, либо ко второму устойчивому состоянию, приобретая черты либо Западного, либо Восточного общества (либо X-, либо Y-институциональной структуры, особенности которых изложены в разделе 1 Приложения). Промежуточные состояния неустойчивы, являются симбиозными и носят временный (переходный) характер.

2. В России ни то, ни другое институциональное состояние *не могло* реализоваться в своем «классическом» виде. Неоднократные попытки идти то по одному, то по другому пути воспринимались как шараханье из стороны в сторону, но не давали желаемого результата. Причина этого заключалась во влиянии российских геополитических и природно-климатических условий, делавших неэффективными «западные» и «восточные» рецепты повышения устойчивости социума.

3. Российская специфика заключалась в следующем. Живя в суровых природно-климатических условиях при наличии постоянного военного давления со стороны агрессивных геополитических соседей, русский этнос мог выжить только при наличии сильной центральной власти, аккумулирующей имеющиеся ресурсы для противостояния внешним угрозам. Поэтому основным социальным императивом в российских условиях был императив Восточных обществ - *«объединение слабых вокруг сильного»* (см. раздел 1 Приложения). С другой стороны, в силу недостаточности ресурсов, их концентрация была возможна только в результате *мобилизационных* мер, что ограничивало развитие рыночных отношений и неизбежно повышало внутреннюю конфликтность в обществе. Кроме того, жизнь на русской равнине совместно с множеством других этносов была возможна только при установлении с ними добрососедских отношений (другими словами, при

снижении внешней конфликтности). Это - противоречивые требования, выполнение которых приводит к снижению социальной устойчивости и повышенной уязвимости общества Восточного типа. Единственная возможность повысить устойчивость общества заключается в резком снижении внутренней конфликтности, в достижении единства социума с помощью как социально-психологических механизмов, так и целенаправленных административных мер. Наиболее значимыми и надежными являются социально-психологические механизмы, оказывающие влияние на формирование национального характера. В результате у русского этноса исторически сложились и закрепились такие психологические черты, как терпение, коллективизм, непротивление власти, толерантность к другим народам и культурам. Без этих черт характера независимое существование русского этноса и российской государственности *было бы невозможно*. Эти черты резко отличали русский этнос от остальных народов и были не проявлением слабости (как это порой тенденциозно трактуется), а психологическими механизмами, обеспечивающими его устойчивость и «живучесть» в критических условиях.

4. Психология русского народа, благодаря которой общество стало устойчивым даже в экстремальных условиях, предоставляла центральной власти кредит доверия в надежде, что он будет использован в интересах всего общества. Государство в России призвано быть сильным и ответственным. Оправдывало ли оно реально свое предназначение? К сожалению, скорее «нет», чем «да». Власть пользовалась ресурсами, предоставляемыми ей обществом, но часто распоряжалась ими бездарно, особенно в мирное время. И это - обратная сторона медали. Традиционный российский бюрократизм и коррупция - следствие слабости контроля над властью со стороны общества.

В условиях России сильная центральная власть - это благо. Власть должна сознавать свою миссию и стремиться оправдать кредит доверия. Но, понимая свою роль, она не должна устраняться от решения социальных проблем и должна понимать, что имеет «родимые пятна», с которыми необходимо постоянно бороться - бюрократизм и коррупцию. Поэтому надо бороться не с центральной властью, а с этими ее врожденными пороками, и делать это должна *сама власть*, опираясь на общество. От того, насколько эффективно это получится, зависит будущее России.

Данные выводы позволяют провести анализ причин системного кризиса, охватившего в конце XX века все стороны общественной и экономической жизни России и выражающегося, прежде всего, в кризисе национального самосознания. Либерально-индивидуалистические установки, культивировавшиеся в обществе реформаторами-рыночниками под лозунгом перевода России на рельсы западного, «цивилизованного» пути развития, вошли в противоречие с коллективистскими традициями российского менталитета. Различие социально-психологических установок в различных слоях общества порождает внутреннюю напряженность и нестабильность, является тормозом поступательного социально-экономического развития страны. Как разрешить данную проблему? Насколько фатальны имеющиеся

противоречия? Можно ли плавно перейти от общества с коллективистскими социально-психологическими установками к обществу с либерально-индивидуалистическими ценностями? Что подсказывает российский исторический опыт?

Исследования (в том числе с использованием имитационного моделирования) показывают, что формирование социально-психологических установок в конкретном социуме существенным образом зависит от уровня материально-ресурсной обеспеченности и экономической независимости членов социума. Если ресурса в обществе много и он общедоступен, то начинают преобладать силы психологического «отталкивания» между членами общества, усиливается индивидуализм, стремление к полной самостоятельности. Если ресурс уменьшается и возрастают угрозы существованию социума, то его члены становятся всё более взаимозависимы, возникает потребность во взаимопомощи, в объединении усилий ради общего выживания. Как следствие, усиливаются коллективистские тенденции в общественном сознании (Малков, 1998б).

В свете этого становится понятно, почему в России - в приполярном районе Евразии с суровыми природно-климатическими условиями - так живучи общинные традиции, почему коммунистические идеи, родившиеся в Западной Европе, нашли массовую поддержку и реализовались на государственном уровне именно на просторах бывшей Российской империи. Становится ясно, что российская общинность - не рудимент и признак отсталости (как часто приходится слышать), а естественный механизм социального выживания, выработанный в ходе исторического развития (Милов, 1998; Малков, 1999, 2005). Результаты анализа закономерностей самоорганизации в российском обществе позволяют по-новому взглянуть на двухсотлетнюю историю попыток социально-экономической модернизации России, последняя из которых протекает на наших глазах. Чтобы лучше понять то, что происходит сейчас, вернемся на два столетия назад.

Россия в то время представляла собой обширное аграрное государство, социально-экономическое развитие которого, во многом определялось суровыми климатическими условиями. По суровости климатических условий Россию часто сравнивают с Канадой и Скандинавией. Однако это не совсем корректно. Подавляющая часть населения Канады живет вдоль ее южных границ в зоне степей и широколиственных лесов. Столица Канады Оттава находится примерно на широте Симферополя, а крайняя южная точка страны расположена на широте Батуми. Сравнение со странами Скандинавии показывает, что их климат существенно мягче российского из-за влияния Атлантики. Так, среднеянварская температура в Осло и Стокгольме - около 0...-2°C, а в Москве - около -10°C. Суровые погодные условия явились причиной того, что основной задачей, решавшейся русским народом во все периоды его истории была задача физического выживания. Это обусловило большую роль коллективных форм ведения хозяйства, живучесть общинной психологии.

Как уже отмечалось выше, бескрайние российские пространства были еще одним фактором, существенно влиявшим на развитие страны. Малая плотность населения, слабость развитости транспортной инфраструктуры (в силу слишком высоких затрат, необходимых на ее создание и поддержание) способствовали тому, что российское общество было разбито на слабо взаимосвязанные структурные образования (общины), основной задачей которых было обеспечение коллективного выживания в суровых внешних условиях (Милов, 1998).

Общины самоуправлялись снизу. Объединение их в общегосударственную структуру могло быть только сверху и неизбежно имело бюрократический характер: спонтанное формирование межобщинных структур в силу малой плотности населения и неразвитости коммуникаций было крайне затруднено (земства, как проявление местной самоорганизации общества, появились только во второй половине XIX века).

Положение усугублялось тем, что Россия была открытой системой без фиксированных границ (границы, то есть невозможность покинуть систему, способствуют кристаллизации общества, вынуждают к активному взаимодействию различных слоев населения и к поиску взаимоприемлемых социальных компромиссов). В России, проблема несогласия с властью, решалась, в основном, не борьбой с ней (что рано или поздно заставляло бы власть идти на уступки), а путем убегания от нее: активные элементы («пассионарии» по терминологии Л.Н.Гумилева (Гумилев, 1989)) бросали обжитые места в центральной России и уходили на юг, за Урал, в Сибирь, становились казаками.

Постоянный отток пассионариев ослаблял резистивность населения центральных областей, делал его более конформистским. Это облегчало задачу бюрократического управления, способствовало его устойчивости.

Слабая резистивность позволяла усиливать экономическую неравноправность отношений дворянства и крестьянства, что влекло за собой резкую имущественную поляризацию общества, усиливало X-свойства социальной системы. Возникающая в обществе социальная напряженность компенсировалась во внеэкономической сфере:

- построением системы патронажа на общинном и на общегосударственном уровне (батюшка-барин, царь-батюшка);
- освящением системы самодержавия государственной православной церковью;
- жесткостью бюрократической системы управления, усилением репрессивных органов (особенно, во времена правления Николая I).

В этих условиях Россия во второй половине XIX века включилась в процесс догоняющей модернизации, обусловленной необходимостью экономически и политически противостоять бурно развивающейся Западной Европе. Институционально это означало попытку пересадки на российскую почву элементов Y-структур (введение элементов демократизации, интенсификация рыночных отношений и др.).

Однако, как мы уже знаем, что переходные общества - структуры неустойчивые. Развитие капиталистических отношений стало раскачивать сложившуюся систему самодержавия. При этом, несмотря на поступательные темпы промышленного роста, их было недостаточно для того, чтобы успеть за убегающей Европой и Америкой. Отягчающими факторами были:

- низкая квалификация рабочей силы, высокие издержки производства, снижавшие конкурентоспособность российских товаров;
- отсутствие достаточных частных средств, национального происхождения, для резкого повышения уровня инвестиций в промышленность. Многочисленные иностранные займы ставили Россию в финансовую зависимость от Запада.

Процесс модернизации сопровождался имущественной поляризацией общества. Это связано с тем, что промышленность ориентировалась не на массового потребителя, а на производство военной продукции, заказчиком которой было государство. Крупная промышленность была чрезвычайно монополизирована, но при этом не были обеспечены социальные гарантии бедным слоям населения. Прибыли обеспечивались не за счет всемерного повышения эффективности производства, а за счет низкой оплаты труда (Красильников, 1998).

Здесь мы переходим к другой стороне вопроса. Как было сказано выше, общество с высоким уровнем имущественной поляризации может быть стабильным, если в нем выработаны компенсационные механизмы во внеэкономической сфере. Объективно, эти компенсационные механизмы в царской России конца XIX - начала XX века не укреплялись, а разрушались:

- новая система патронажа (которую должны были цементировать новые экономические отношения) в условиях первоначального накопления капитала не складывалась, а старая (вера в царя-батюшку) - рассыпалась;
- традиционная православная религия, намертво связанная с царизмом, была не способна выдвинуть новые идеи для обеспечения единства расколотого общества. С другой стороны, интеллигенция (в своей массе разночинная) в поисках альтернативной идеологии вооружилась социалистическими идеями, рожденными на Западе, обещавшими быстрое преодоление социальных болезней капитализирующегося общества. Эти идеи в России, с ее традициями коллективного сознания, быстро пустили глубокие корни. В результате деятельность интеллигенции привела не к консолидации, а к расколу общества. В расколотом обществе не могла сформироваться и укрепиться трудовая этика, стимулирующая широкие слои населения к высокопроизводительному труду;
- бюрократическая система самодержавия не справлялась с задачами управления. С одной стороны, царь опасался набиравших силу промышленников, ограничивая их самостоятельность, тормозя переход страны на капиталистические рельсы. Это стимулировало противостояние буржуазии и царской бюрократии. С другой стороны, уступки в части либерализации политического режима не позволяли властным структурам

ужесточить репрессивные силовые методы борьбы с революционной интеллигенцией.

Особо следует сказать о столыпинских аграрных реформах. Они были направлены на разрушение крестьянской общины с целью стимулирования частной инициативы в деревне и создания широкого слоя зажиточных крестьян-фермеров, способных обеспечить рост эффективности сельскохозяйственного производства. Однако имущественное расслоение в деревне повлекло за собой социальную напряженность. В условиях России с ее тяжелыми природно-климатическими условиями община помогала обеспечить коллективное выживание крестьян. В ходе реформы из общины выходили, как правило, наиболее крепкие и работающие крестьяне. Это привело к ее ослаблению и к большей тягловой нагрузке на слабых. При этом было сохранено помещичье землевладение и, соответственно, малоземелье крестьян. В результате социальное недовольство в деревне резко возросло, подготавливая революционный взрыв.

Таким образом, политика модернизации России (перехода от X- к Y-системе) в условиях самодержавия привела к противоречиям, решить которые царское правительство оказалось не в состоянии. Трудности оказались системными: в тяжелых природных условиях в течение короткого промежутка времени необходимо было решить проблемы, которые Западная Европа с ее мягким климатом и плодородными почвами решала в течение столетий. Системе самодержавия, сформировавшейся на просторах России в условиях Средневековья, нужно было слишком много времени для трансформации. Резкое имущественное расслоение в ходе модернизации, не сопровождавшееся адекватными внеэкономическими компенсационными мерами, привело к дестабилизации общества. Для выхода из кризиса нужна была «внесистемная сила», основанная на отрицании существующих порядков, но в то же время использующая стереотипы мышления, свойственные российскому обществу X-типа. Процесс экономической модернизации должен был быть продолжен. Путь был два:

- либо уменьшение социального и имущественного расслоения с формированием устойчивого унимодального общества, основанного на «среднем классе» и характерного для Y-структур. Для этого необходимы были значительные материальные ресурсы, квалифицированная рабочая сила, высокая производительность общественного производства. Ничего этого у России не было;
- либо принудительная концентрация скудного прибавочного продукта в обществе для усиленного инвестирования экономической модернизации.

Большевики оказались теми, кто сумел реализовать второй путь развития в стране, разоренной двумя войнами (первой мировой и гражданской). Большевистский режим под антикапиталистическими лозунгами выполнил за капитализм работу по индустриализации страны. По существу, большевизм представлял собой форму фундаментализма, волна которого захлестнула ряд стран третьего мира во второй половине XX века. Большевизм вобрал в себя стихийный протест полутрадиционного по своей

культуре общества против пороков царской модернизации, но объективно преследовал те же цели (однако, уже средствами не Y-, а X-системы). Опыт показал, что эволюционный путь модернизации с опорой на верхи общества не может обеспечить одновременно и высокие темпы экономического развития и социальную стабильность. Необходимо было мобилизовать все общество и максимально увеличить норму изъятия прибавочного продукта для получения инвестиционных ресурсов.

Это было достигнуто путем предельной централизации и монополизации. То, что при капитализме (Y-система) было злом, при социализме советского образца (X-система) стало благом. Конкуренция была уничтожена (что снизило конфликтность в системе «свой - свой») и возник один сверхмонополист - государство. Сверхмонополизм позволил сконцентрировать все ресурсы страны в одних руках и целенаправленно направить их на решение задач модернизации, не считаясь с издержками. Максимизация свободных ресурсов достигалась за счет предельного снижения оплаты труда и нормы потребления. Для устранения возможности неконтролируемого утекания ресурсов и финансовых средств за границу все связи с внешним миром были монополизированы государством.

Устойчивость такой системы невозможно обеспечить экономическими методами. Большевики достигли устойчивости внеэкономическим путем - актуализацией сформированных в докапиталистической России стереотипов общинного мышления и жестким подавлением инакомыслия. Ради достижения целей капиталистической модернизации был осуществлен возврат в средневековье в сфере управления и идеологии:

- была реализована система патронажа («объединение слабых вокруг сильного») на основе огосударствления всех сторон жизни. Жизнь стала безальтернативной, хозяин один - государство, но этот хозяин обеспечивал выживание и гарантированный минимум материальных благ своим работникам;
- по существу, была возрождена религия, но не в лице православия, оказавшегося неспособным решить задачи модернизации, а в лице коммунистической идеологии, пропагандирующей коллективизм (необходимый для синхронизации усилий различных членов общества) и деятельное подвижничество (см. «Моральный кодекс строителя коммунизма»). Эффективность коммунистической идеологии для мобилизации масс оказалась выше, чем у идей православия, поскольку она призывала не к смирению, а к активной деятельности и обещала рай не в загробной жизни, а на земле после скорой победы мировой революции. Была сформирована трудовая этика на основе стремления максимально приблизить светлое будущее личным трудовым вкладом в общее дело;
- одновременно были беспрецедентно усилены репрессивные меры в интересах создания однородного (когерентного) общества. Все, что вносило разногласие (буржуазия, интеллигенция, зажиточные крестьяне в деревне), было безжалостно уничтожено. С целью сохранения

единомыслия была введена жесточайшая идеологическая цензура и обрублены все каналы обмена информации с западными странами («железный занавес», образ врага).

Таким образом, в условиях жесточайшего ресурсного дефицита и внешних угроз в России сформировалась X-система в своем крайнем проявлении. Эта мобилизационная система фундаменталистского типа (названная позже тоталитаризмом) была рождена в ходе отчаянной попытки выбраться из кризиса, в котором оказалась царская модернизация. Эта система оказалась способной сконцентрировать имевшиеся в государстве скудные ресурсы, направить их на развитие промышленности, быстро урбанизировать аграрную страну с подавляющим преобладанием сельского населения, насильственной и широкомасштабной ликвидацией безграмотности.

Большевики предельно упростили социальную систему с целью обеспечения управляемости общества в условиях сверхмонополизма ради достижения высоких темпов экстенсивного развития. Они ориентировались на бывших крестьян, покинувших деревню и оказавшихся в городе, дезориентированных, с полутрадиционалистским сознанием, жаждущих простых ответов на сложные вопросы и четких психологических установок. Пока люди такого типа составляли наиболее активную часть общества, и задачи модернизации можно было решать экстенсивными методами, эта система исправно работала. Когда условия изменились - начала давать сбой.

Условия изменились, когда задачи модернизации переместились в область **интенсивного развития**. Стали требоваться высокий профессионализм, индивидуализация труда, творческий подход к производственной деятельности. Система, основанная на директивном управлении «сверху», обеспечить это не в состоянии. Необходимо ее усложнение на основе процессов самоорганизации «снизу», то есть на основе добавления Y-элементов в институциональную структуру общества. Субъектом самоорганизации, генератором творческого начала может быть высококвалифицированный и высокообразованный работник, самостоятельный и инициативный производитель, «средний класс». Появление такого экономического субъекта невозможно в сверхмонополизированной системе, для этого необходимо формирование унимодального общества.

Инициаторы реформ 90-х годов в России считали, что для перевода экономики на рельсы интенсивного развития, для запуска процессов самоорганизации, приводящих к возникновению «среднего класса» и унимодального общества, достаточно провести приватизацию государственной собственности и отдаться стихии свободного рынка. Тогда X-система сама собой трансформируется в Y-систему. Однако, как показывает математическое моделирование, в условиях России это приводит к противоположным результатам. Россия относится к государствам с переходной экономикой, доступного ресурса не много, на всех не хватает. Либерализация экономики при неразвитости демократических институтов привела к быстрому имущественному расслоению, падению эффективности

экономики и угрозе социального взрыва, поскольку в отсутствие социальных гарантий, которые ранее обеспечивало супермонополист-государство, большая часть населения оказалась за чертой бедности. Предпринимавшиеся в 90-е годы властными структурами меры по стабилизации ситуации оказались неэффективными:

- не было предпринято никаких усилий для формирования новой системы патронажа (например, такой, которая оказалась эффективной в Японии, где фирма несет ответственность за благосостояние своих сотрудников и существует система пожизненного найма). При этом старая система патронажа - государственная гарантия прожиточного минимума для граждан - рассыпалась вследствие того, что государство не имеет необходимых средств, добровольно отказавшись от собственности;
- надежды на создание трудовой этики на основе идеологии либерализма оказались тщетными, поскольку практика российской жизни убедительно показывает, что большие состояния появляются не в результате высокопроизводительного труда, а являются следствием криминальных и полукриминальных махинаций. Попытки возродить православие, в качестве идейного синхронизатора общественной жизни, оказались малопродуктивными: православие, в отличие от протестантизма (являвшегося идейным флагом западноевропейской буржуазии в период ее формирования) в социальном плане пассивно, ориентировано не на мирскую, а на духовную жизнь и в силу этого вряд ли может стать основанием активной трудовой этики, необходимой для мобилизации населения на высокоинтенсивную производственную деятельность;
- вместо логичного (в интересах эффективного проведения социально-экономических реформ) усиления управляемости социальными процессами, практиковалось ослабление управленческих связей, что привело к хаосу и фактической утрате центром контроля над экономическим состоянием в регионах (Малков, 1998а).

II. Российская специфика: современность

Каков итог попытки одним махом перескочить из X- в Y-систему?

Попытка перехода на западный путь развития привела к резкому социальному расслоению российского общества. С одной стороны, сформировалась новая торгово-промышленная, финансовая и государственно-бюрократическая элита, реально распоряжающаяся ресурсами страны и живущая по западным стандартам. С другой стороны, уровень жизни основной части общества существенно понизился, эта часть населения вынуждена каждодневно решать проблемы экономического и физического выживания. Проблема заключается в том, что эти два слоя живут в разных условиях: первый - в условиях избыточной (по российским меркам) материально-ресурсной обеспеченности, второй - в условиях ее крайней недостаточности. Соответственно, как показывают результаты математического моделирования, в этих двух слоях идут противоположные процессы социально-

психологической самоорганизации. В первом слое усиливаются и укрепляются либерально-индивидуалистические тенденции в сознании, характерные для Y-системы, во втором слое - воспроизводятся коллективистские социально-психологические установки, свойственные X-системе. Таким образом, объективно идет прогрессирующий процесс разъединения российского общества на две социальные страты, отличающиеся не только уровнем доходов, но и - что более существенно - самим типом мышления.

В работах (Лефевр, 2003а, 2003б) было показано, что речь идет о двух разных типах этических систем, в которых понятия «добра» и «зла» диаметрально противоположны. То, что приветствуется в рамках одной этической системы, осуждается в другой. Важно, что эти этические системы обладают свойством устойчивости, вследствие чего самопроизвольный и плавный переход между ними невозможен. Одна система может быть заменена другой только путем вытеснения (Чернавский, 2005), но не симбиоза; совместное их сосуществование в одном обществе приводит к постоянным психологическим конфликтам и дезорганизации социальной жизни.

В современном российском обществе приверженцами этих двух этических систем являются сторонники «правых» и «левых» идей. Эти социальные страты все менее и менее способны понять друг друга, что уменьшает возможность общенационального объединения, благодаря которому побежденные во второй мировой войне Германия и Япония преодолели послевоенный кризис и стали могучими экономическими державами. Современная ситуация в Российской Федерации напоминает ситуацию в послепетровской России, когда российская элита - дворяне - стали ориентироваться на западноевропейские стандарты в культуре и материальном потреблении, что в конечном итоге привело к полному размежеванию дворянского и крестьянского миров и к социальному взрыву начала XX века.

Спецификой России являются высокие производственные издержки, обусловленные суровыми природно-климатическими условиями и не позволяющие достичь одинакового с западными странами уровня потребления для всего общества (Паршев, 2001). Поэтому бессмысленно надеяться на скорое появление в России многочисленного среднего класса, который в странах Запада является стабилизатором социально-политических процессов. Спонтанные экономические процессы в современной России ведут, как показывает моделирование (Малков, 2000), к усилению имущественной и социально-психологической поляризации и конфронтации социальных страт. **В этих условиях важнейшую роль приобретает политика государственной власти.** Задача национально ориентированного руководства страны заключается в целенаправленном влиянии (в отличие от западного принципа *laissez-faire*) на процессы социальной самоорганизации с целью смягчения разнонаправленных тенденций и консолидации общества (Чернавский, 2002). В условиях России автоматизм решения социально-экономических задач - не более чем иллюзия (вспомним слова реформаторов-рыночников начала 90-х годов: необходимо лишь ввести в России рынок, а он сам все расставит на свои места). Увы, оказалось, невозможно прежде поднять экономику и лишь

затем решать социальные задачи. Повышенная затратность российского производства (резко снижающая его конкурентоспособность) делает этот путь нереальным, он ведет лишь к усилению внутренних социальных противоречий. **Путь должен быть другим: от консолидации общества, через осознание им общенациональных задач (как это было в Германии, Японии, Китае, странах Юго-Восточной Азии), через самоограничение и примат общенациональных задач над личными - к подъему и развитию экономики.** Этот путь возможен только при условии целенаправленной политики государства в экономической, социальной, информационной сферах.

Здесь необходимо подробнее обсудить роль и место государства в социально-экономических процессах, идущих в современной России. Курс В.В.Путина на «укрепление вертикали власти», на усиление влияния государственных структур воспринимается либеральной частью российского общества как опасная тенденция, угрожающая продолжению реформ. На самом деле реальная опасность в обозримой перспективе угрожает именно государству, как социальному институту. И дело здесь вот в чем.

Наиболее значимым по своим последствиям процессом в современном мире является процесс глобализации. Резко и необратимо изменяются сложившиеся на протяжении веков устои международной жизни. Одной из главных жертв глобализации является национальное государство. Бомбардировки Югославии весной 1999 г., оккупация американцами Ирака в 2003 г. резко понизили уровень суверенитета отдельно взятой страны. Произошел отход от Вестфальской системы (1648 г.) независимых суверенных государств, основанный на принципе незыблемости государственных границ. Аналогичные процессы идут в мировой экономике, где наблюдается резкая интенсификация транснациональных отношений, уменьшается значимость межнациональных барьеров, растет роль транснациональных компаний. Кроме того, серьезными факторами дестабилизации сложившегося миропорядка являются: усиление влияния религиозного фундаментализма, снижение авторитета международных организаций типа ООН, возрастание этнической нетерпимости, распространение оружия массового поражения, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств, экономическое неравенство, неуправляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Криминальные структуры по своему влиянию начинают конкурировать с национально-государственными структурами. При этом общепризнанным фактом является то, что современные информационные и коммуникационные технологии служат эффективнее индивидууму, чем государству.

Суверенитет национальных государств (и Россия здесь лишь подтверждает общую тенденцию) ослабляется сверху надгосударственными организациями (в том числе деятельностью транснациональных компаний), а снизу подрывается окрепшими в последнее десятилетие XX века самоорганизующимися этническими группами, сепаратизмом регионов.

Первой жертвой усиливающегося этнонационализма как на Востоке, так и на Западе становится демократия: при идентификации «свой - чужой» по этническому признаку демократия (то есть равные права для всех) невозможна. Провозглашение Ф.Фукуямой в (Фукуяма, 1995) «конца истории», обусловленного глобализацией, утверждением экономического и информационного единства мира, оказалось блефом. В эпоху глобализации, когда снято противостояние идеологических систем «капитализм - социализм», реальностью становится главенство этнонационального самоопределения. Государства, неспособные компенсировать прошлые обиды и удовлетворить будущие ожидания, обречены на разрушение. Не современное нация-государство, а определяющая себя сама этническая группа может стать основным строительным материалом грядущего международного порядка.

Глобализация упрощает перемещения и перемешивание представителей различных культур. Но тот же процесс вызывает к жизни необходимость личностной поддержки в условиях, когда консолидированного внешнего врага нет, а есть противостоящая индивиду система отношений, в которую он погружен. Индивиду нужны союзники. Раньше это были братья по классу («пролетарии всех стран - объединяйтесь»). Сейчас деления на классы в привычном понимании нет. Закономерен поиск союзников по «естественным» признакам: родство, религия, раса, язык. Это дает начало возникновению социальной кластеризации на этнонациональной основе, возврату к донациональному трайбализму.

Мир, еще недавно делившийся на «первый», «второй» и «третий», принял новую конфигурацию - несколько цивилизационных комплексов: Запад, латиноамериканский регион, Восточная Европа (включая Россию), мусульманская цивилизация, индуистская цивилизация, конфуцианская цивилизация, Япония. Вопросы культурной идентификации становятся все более определяющими.

Каковы перспективы развития российского государства в этих условиях?

Для исследования вопросов устойчивости развития России в современном мире была разработана компьютерная модель (Чернавский, 2003), описывающая межгосударственное противоборство на основе математического моделирования конкурентной борьбы между различными странами. Результаты моделирования показали, что внутренняя устойчивость и сопротивляемость социально-экономических систем (включая государства и их союзы) к дестабилизирующим воздействиям различного типа в значительной степени зависит от отношения уровня антагонистичности отношений элементов внутри системы к уровню антагонистичности отношений между системами (аналогами этих характеристик в биологии является интенсивность внутривидовой и межвидовой борьбы). Другими словами, внутренняя устойчивость и консолидация общества повышаются, когда уменьшаются противоречия и снижается конфликтность внутри

общества и, с другой стороны, когда возникает общий внешний враг (или общая угроза) (Чернавский, 2002).

Первый фактор - снижение конфликтности внутри общества - означает достижение национального единства, осознание общих целей всеми социальными слоями. В условиях растущего имущественного неравенства в многонациональном и многоконфессиональном российском обществе достижение единства является чрезвычайно сложной задачей. О необходимости государственного регулирования экономических отношений и проведении продуманной социальной политики в России говорилось выше. Важным самостоятельным вопросом является поиск объединяющих идей, консолидирующих многонациональное российское общество. Насажение вместо пролетарского интернационализма русского национализма приведет лишь к дальнейшей дестабилизации. Общим для всех народов, живущих на территории России, является суровость природно-климатических условий. Этот фактор, существенно усложняющий экономическое развитие, может, с другой стороны, оказаться точкой кристаллизации нового российского самосознания. Общие проблемы объединяют. Россия - это не просто географическое понятие, это цивилизация, объединение народов, задачей которых является выживание и развитие в суровых внешних условиях. Русские - это не просто народ в традиционном понимании этого слова (как совокупность индивидов, объединенных общим происхождением), это способ выживания в трудных условиях, основанный на взаимопомощи, способ социальной самоорганизации, культивирующий коллективистские ценности. В этом смысле все, кто долго живет в России, постепенно становятся русскими. Конечно, речь не идет о лубочной идеализации российского коллективизма (его отрицательными проявлениями являются склонность к иждивенчеству, подавление конкурентных начал в экономической деятельности и т.п.). Здесь речь идет о том, что коллективизм - естественный для российской цивилизации способ выживания и существования. Его не нужно ломать через коленку и искоренять во имя повышения экономической эффективности, его нужно использовать оптимальным образом, минимизируя имеющиеся у него отрицательные стороны. Высокая эффективность экономического развития достигается и в обществах с коллективистскими ценностями (Япония, Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии и др.). В России же есть свои - артельные - традиции, объединяющие экономическую активность с коллективистской психологией. Так что нужно лишь вдумчиво подойти к этой проблеме на государственном уровне.

Второй фактор, как правило, предполагает наличие в общественном сознании образа общего внешнего врага (или какой-либо другой угрозы), что способствует консолидации социума, несмотря на имеющиеся в нем внутренние противоречия. Часто правители государств ради снижения внутренних напряжений провоцировали внешнюю напряженность. Так было во времена «холодной войны», которую и США и СССР использовали для данных целей, а также для усиления своего влияния на союзные страны. Так происходит и сейчас, когда США, лишившись серьезного противника в лице

СССР, усиленно раздувают образ врага в лице мирового терроризма, «стран-изгоев» и т.п. Что касается России, то специально создавать образ внешнего врага в современной ситуации - безрассудно и недопустимо. Наоборот, сейчас очень важно не оказаться втянутыми в международные конфликты, необходимо сосредоточиться на решении внутренних российских проблем. Усиление рассматриваемого фактора может быть достигнуто не за счет усиления политической и военной конфронтации с другими странами, а за счет прагматичного позиционирования России в мировом сообществе, четкого формулирования и последовательного отстаивания своих национальных интересов и цивилизационных особенностей. Другими словами, должна быть достаточно высокая степень противопоставления России другим странам, но не конфронтационная, как во времена СССР, а культурно-цивилизационная, как это делают в настоящее время Япония или Китай. Регулирование этих процессов невозможно без четкой и твердой государственной политики. Усиление роли государства в современной России должно быть не следствием решения локальных внутривнутриполитических задач в борьбе между разными экономическими и политическими группировками, но результатом продуманной долговременной стратегии укрепления роли России в динамично изменяющемся современном мире.

Заключение

Таким образом, следует констатировать, что путь России - это не X- и не Y-система (не «Восток» и не «Запад»), а в силу ее цивилизационных особенностей - X_Y-система, соединяющая X- и Y-элементы при доминировании X-структур и коллективистских ценностей, с высокой ролью государственного управления (сильного центра) в различных сферах жизни. При этом будущее России существенным образом будет зависеть от того, сможет ли государственная власть стать эффективной и социально ответственной.

При этом, возвращаясь к теме современного кризиса, следует отметить следующее:

- роль государства в регулировании экономики в России должна быть высокой. Власть должна брать на себя ответственность, не уповая на рыночную саморегуляцию (рынок как механизм экономического саморегулирования имеет в России ограниченное значение). Особенно это важно в условиях кризиса (ограниченность ресурсов в условиях кризиса делает логичным усиление X-элементов в социальных системах). Для оптимального регулирования необходимо развитие эффективных методов математического моделирования и прогнозирования экономических процессов в региональном и общероссийском разрезе;
- в условиях кризиса первоочередным должно быть решение социальных задач с целью недопущения падения уровня жизни населения ниже

критического уровня. Правительство говорит об этом в своей антикризисной программе, но если посмотреть на объемы реального финансирования, то оказывается, что на социальные вопросы выделяется на порядок меньше средств, чем на поддержку финансовой системы;

- в свою очередь финансовая система должна быть ориентирована на решение задач реального сектора экономики (как и должно быть в X-системе), а не на решение собственных проблем. Коммерциализация банковской сферы в современных российских условиях вредна, она уводит средства из производственной сферы в область финансовых спекуляций. В этом отношении показателен опыт Китая, где инвестирование предприятий осуществляется государственными банками под низкий процент, юань надежно защищен от нестабильности внешних финансовых рынков, денежная масса регулируется, инфляция четко контролируется и держится на низком уровне;
- с другой стороны, политическим инструментом решения социальных и иных проблем в условиях России должна быть не борьба партий – это не наш путь: нужно не повышение внутренней конфликтности, а достижение общественного консенсуса (что тоже является особенностью X-систем). В этом плане целесообразно на региональном уровне возвратиться к идее формирования *земств* как инструмента согласования интересов различных социальных слоев на местах, выработки оптимальных решений, пользующихся общей поддержкой;
- для повышения авторитета и эффективности государственного управления должна проводиться не декларационная, а реальная и очень жесткая борьба с коррупцией (например, в Китае, где авторитет государственной власти высок, ежегодно судом выносятся по несколько тысяч смертных приговоров по обвинению в коррупции). Только так можно вернуть доверие власти и избавиться от людей, которые стремятся в органы власти ради обогащения.

С помощью современных технологий возможно моделирование и прогнозирование не только экономических, но и социальных процессов, определение устойчивости функционирования социально-экономических систем в условиях различных дестабилизирующих воздействий (в том числе, в условиях кризиса). Соответствующее программное обеспечение должно стать необходимой составной частью систем поддержки принятия решений руководителями всех уровней государственного управления.

Приложение

Раздел 1. Дилемма «Запад - Восток»: закономерности различий

Тема усиливающихся противоречий между странами Запада, с одной стороны, и мусульманским миром и другими цивилизационными комплексами, с другой, стала центром острых дискуссий со времени выхода в свет книги С.Хантингтона "Столкновение цивилизаций" (Хантингтон, 2003). Мнение многих аналитиков на эту проблему сводится к следующему: "Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись". Эта ставшая крылатой фраза Р.Киплинга акцентирует следующую мысль: между Западом и Востоком существует не просто различие, но полная противоположность, которую невозможно преодолеть с помощью частных компромиссов. "Либо – либо", третьего не дано.

Что имеют в виду, когда говорят о принадлежности общества к Западной цивилизации? - Прежде всего, предполагается его приверженность ряду основополагающих ценностей, к которым относятся:

1. экономическая и политическая свобода, "права человека";
2. священная и неприкосновенная частная собственность;
3. демократия;
4. правовой характер общества, равенство всех перед законом;
5. разделение законодательной, исполнительной и судебной власти.

Соответственно, считается, что для Восточного общества характерны:

1. ограничение личных свобод;
2. примат общественной и государственной собственности над частной;
3. авторитаризм в политике;
4. неправовой характер общественных отношений, жизнь по традициям и "по понятиям", а не по формальным законам;
5. концентрация различных видов власти в одних руках.

Анализ этих различий показывает, что все они отражают специфику отношений между обществом и центральной властью. При этом для Западного общества характерна оппозиция "сильное общество – слабая центральная власть" и сетевая структура социального управления; для Восточного общества характерна оппозиция "слабое общество – сильная центральная власть" и иерархическая структура управления.

Действительно, и гарантии личных свобод, и неприкосновенность частной собственности, и демократические процедуры контроля и смены власти, и провозглашение равенства всех перед законом, и недопущение объединения различных властных функций в руках одних и тех же лиц приводит, с одной стороны, к усилению индивидуализма, а с другой стороны, - к ослаблению центральной власти, ставит ее в зависимость от гражданского общества. Напротив, несоблюдение указанных принципов позволяет центральной власти усиливаться и в конечном итоге подчинить себе общество, диктовать ему свою волю.

Казалось бы, общество должно быть заинтересовано всегда идти по первому пути. Но что интересно: со времени образования первых государств возникновение и устойчивое существование политических демократий было редким исключением из правила (греческие города-государства и республиканский Рим в античности, Западная Европа Нового времени). Правилom была смена одних режимов с жесткой авторитарной центральной властью на подобные же. Даже когда государства рушились в результате народных восстаний, вдохновленных идеями справедливости и равенства, в итоге устанавливались режимы, не менее (а часто – более) деспотичные, чем ранее.

В чем тайна постоянного самовоспроизводства общественных систем Восточного типа? Привлечем для ответа на этот и другие вопросы методы математического моделирования, о которых шла речь в предыдущем разделе.

Внутренняя организации и функционирования Западных и Восточных обществ такова, что в обществах первого типа приоритеты смещены в сторону достижения индивидуальных целей (максимизация всеми субъектами личных функций полезности); в обществах второго типа личность инкорпорирована в ту или иную социальную группу (слой) и приоритеты ее деятельности направлены на реализацию групповых интересов. То есть для Западных сообществ характерно наличие сильной *внутренней* конкуренции (примером этому является рыночная конкуренция частных производителей в западных индустриальных обществах), а для Восточных сообществ – преобладание *внешней* конкуренции (клан против клана, род против рода, государство против государства и т.п.). Взаимодействие такого типа может быть описано моделью конкуренции:

$$du_i/dt = a_i \cdot u_i - \sum_{j \neq i} b_{ij} \cdot u_i \cdot u_j - c_i \cdot u_i^2, \quad i, j = 1, 2, 3, \dots, N, \quad (\text{П.1})$$

где u_i - показатель, характеризующий «силу» (степень политического или экономического влияния, доминирования и т.п.) i -го субъекта в момент времени t . Коэффициент a_i характеризует интенсивность воспроизводства «силы» i -го субъекта. Коэффициенты c_i и b_{ij} характеризуют интенсивность внутренней и внешней конкуренции соответственно. Поведение социальной системы, описываемой уравнениями (П.1), подробно рассмотрено в (Малков, 2009). Использование модели (П.1) для анализа дилеммы «Запад - Восток» показывает следующее:

1. различие Запада и Востока - это отражение объективных законов самоорганизации общества: Западное общество соответствует состоянию социума с $c_i/b_{ji} > 1$, Восточное - состоянию с $c_i/b_{ji} < 1$. Причина такого расхождения способов самоорганизации заключается в различии условий существования этих обществ. Так, социум с $c_i/b_{ji} > 1$ формируется при наличии разнообразных видов ресурсов и стремления к обмену ими на основе рыночных отношений, при этом внешние угрозы должны быть не велики (такая ситуация возникала в торговых и индустриальных обществах Запада). Условием формирования социума с $c_i/b_{ji} < 1$ является наличие внешнего врага,

претендующего на главный ресурс - землю (такая ситуация постоянно воспроизводилась в земледельческих и кочевых обществах Востока);

2. указанные состояния являются *устойчивыми*, однако стабильность этих состояний сохраняется до тех пор, пока отношение c_i/b_{ji} заметно отличается от единицы. Когда $c_i/b_{ji} \approx 1$ общество неустойчиво, возможны социальные срывы и катаклизмы;

3. величина параметров c_i и b_{ji} определяется внутренними, в основном *социально-психологическими* факторами, вследствие чего общество может активно влиять на них, тем самым усиливая (или ослабляя) свою устойчивость. В социуме первого типа (в Западном обществе) целесообразно усиливать независимость социальных субъектов и инициировать конкуренцию между ними (то есть повышать значение c_i). Это реализуется за счет утверждения в обществе "западных ценностей" (см. выше) и развития рыночных отношений. С другой стороны, в таком обществе требуется снижение внешней конфликтности (то есть уменьшение b_{ji}), что естественным образом согласуется с необходимостью установления деловых и торговых контактов с партнерами по бизнесу вне зависимости от их гражданства, вероисповедания, идеологических пристрастий и т.п.

В социуме второго типа (в Восточном обществе) целесообразно усиление внутренней консолидации и сплоченности (снижение c_i), что достигается идеологическими (религиозными) и административными средствами. Одновременно необходимо усиливать противопоставление внешним силам (повышать значение b_{ji}), что часто достигается путем создания образа внешнего врага на этнической, конфессиональной, социальной основе;

4. различие стратегий обеспечения устойчивости обуславливает различие доминирующих социально-психологических установок и этических императивов в Западном и Восточном обществах. Как отмечалось выше, существование этических систем двух противоположных типов теоретически обосновано В.А.Лефевром (Лефевр, 2003б). Первая из них основана на запрете зла, вторая - на декларации добра. Обе системы внутренне логичны и непротиворечивы, но в практических ситуациях приводят к противоположным моделям поведения. Так, если в первой системе одобряется стремление к компромиссу с партнером, то во второй считается правильным подчинить его своей воле.

Анализ особенностей этих систем показывает, что первая из них формируется и закрепляется в обществах Западного типа, а вторая - в обществах Восточного типа. Действительно, выше было показано, что вторая система направлена на минимизацию отношения c_i/b_{ji} в обществе в условиях ограниченности имеющихся ресурсов, то есть вторая этическая система - это своего рода ресурсосберегающая технология социального выживания *коллектива "своих"* в ходе конкурентной борьбы с "чужими" (что важно для обществ Восточного типа). Что касается первой этической системы, то здесь конкурирующие социальные субъекты не представляют собой коллективы "своих". Соответственно, эта система - не средство организации совместных действий "своих" для достижения общей цели, а технология отсекаания

нежелательных для общества действий через нормативно закрепленную правовую систему (это важно для обществ Западного типа).

Таким образом, различие структуры устойчивых состояний в Западном и Восточном обществах предопределяет и *различие* соответствующих им этических систем и моделей поведения. Это возводит стену непонимания и неприятия одного общества другим;

5. следствием вышесказанного является также разная роль центральной власти и разное отношение к ней в обществах Западного и Восточного типа. Начнем обсуждение этой темы с Восточного общества, в котором существует резкое деление на "своих" и "чужих". "Свои" объединены общей целью - обеспечением коллективного выживания перед лицом внешних угроз. В условиях перманентного противостояния "чужим" требуется эффективная центральная власть, способная сформулировать единые задачи, организовать совместную деятельность "своих", защитить их от посягательств извне. Мобилизационные функции центральной власти требуют от нее быстрого управления и предполагают безусловное выполнение выдаваемых приказаний. В этих условиях формируется жесткая директивная система социального управления (Малков, 2009).

В отличие от этого в Западном обществе нет жесткого разделения на "своих" и "чужих". Каждый субъект преследует свои личные интересы, рассчитывает на собственные силы. Взаимодействие субъектов общих правил игры, контроль за соблюдением которых возлагается на центральную власть. Учет интересов общества осуществляется за счет выборности органов управления. Экономическая независимость субъектов ограничивает возможности давления на них со стороны власти. Наоборот, общество имеет возможность влиять на власть путем ее периодического переизбрания. В этих условиях формируется адаптивная система социального управления (Малков, 2009).

Итак, анализ показывает, что Западное и Восточное общества - это реализация двух структур устойчивых состояний (аттракторов) в системе социальных отношений «свой - свой» и «свой - чужой». Для Западного общества характерно соотношение $c_i/b_{ji} > 1$, для Восточного - $c_i/b_{ji} < 1$. Отсюда вытекает, что кардинальное цивилизационное различие Запада и Востока - не парадокс, а логичное следствие различия условий существования этих структур аттракторов.

Возникает вопрос: насколько устойчивы эти структуры к изменению параметров c_i и b_{ji} , то есть к изменению социально-психологических установок в обществе? Обратимся к обществу Восточного типа (см. рис.П.1(а)). Анализ на основе модели (П.1) показывает, что оптимальной стратегией для конкурирующих субъектов в этом случае является уменьшение c_i - внутренней конфликтности среди "своих" - при одновременном увеличении b_{ji} - агрессивности к "чужакам". На рис.П.1(б) изображена математическая интерпретация реализации такой стратегии субъектом №1 в ходе его конкурентной борьбы с субъектом №2.

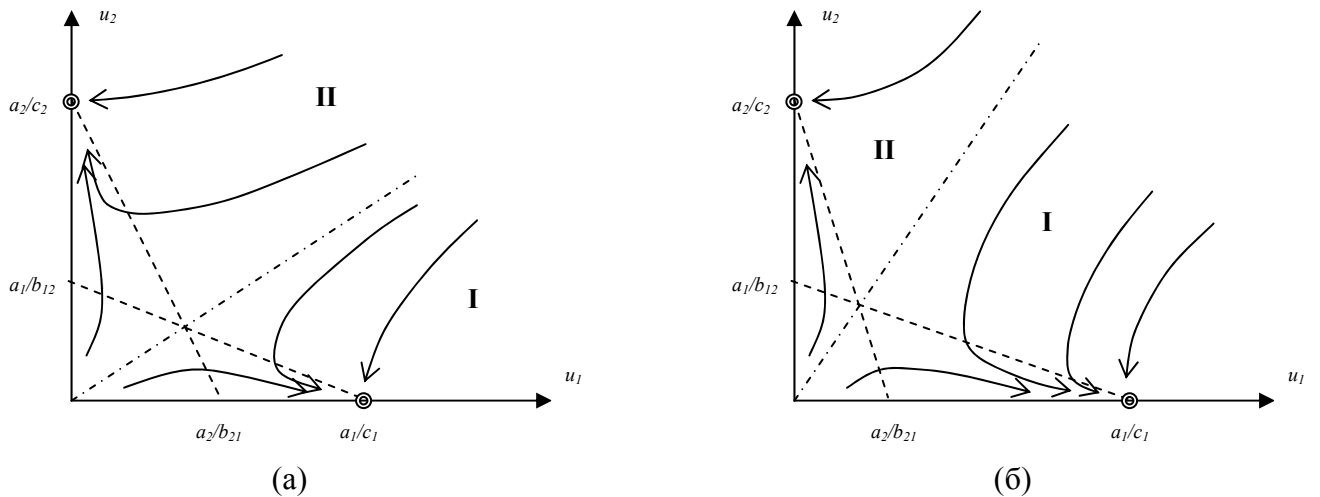

Рисунок П.1. Изменение фазовых траекторий в обществе Восточного типа при уменьшении отношения c_1/b_{21} : (а) - начальное состояние, (б) - конечное состояние.

Видно, что при уменьшении отношения c_1/b_{21} область притяжения I увеличивается, субъект №1 получает преимущество в конкурентной борьбе и достигает доминирования, даже не обладая большими ресурсными возможностями и "силой" u_1 . В свете этого понятно, что Восточное общество постоянно воспроизводит в общественном сознании данную стратегию, обеспечивая устойчивость социально-психологических установок и моделей поведения.

В Западном обществе ситуация иная. Устойчивое сосуществование конкурирующих субъектов возможно лишь в случае, когда *все* они придерживаются стратегии увеличения отношения c_i/b_{ji} , то есть исповедуют западные ценности, изложенные в начале статьи. Стоит кому-либо из субъектов пойти по пути уменьшения отношения c_i/b_{ji} и использовать толерантность партнеров в своих корыстных целях, как ситуация начнет развиваться в его пользу. Математический образ реализации такой стратегии субъектом №1 изображен на рис.П.2.

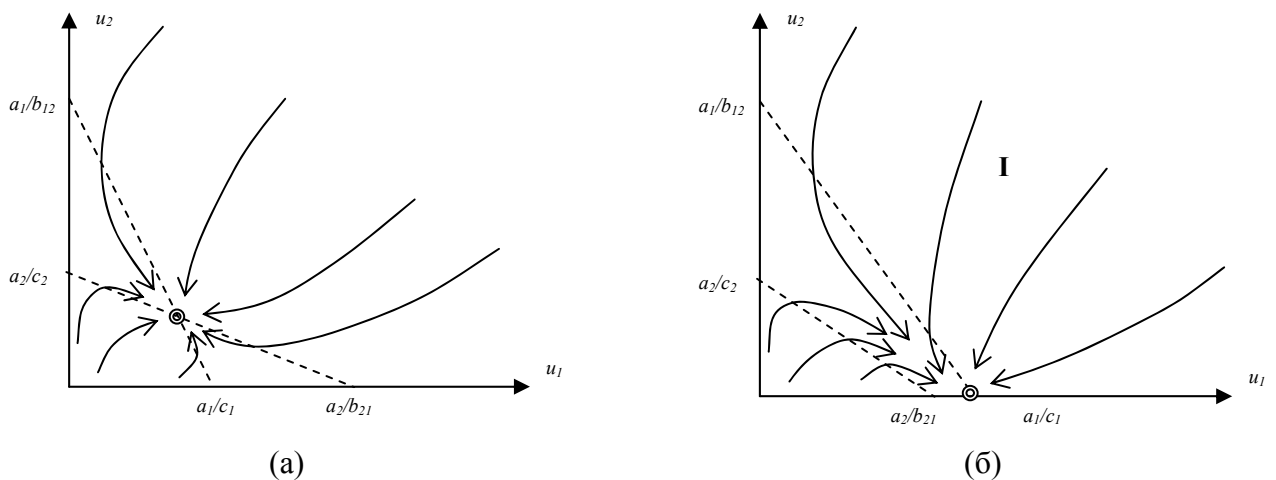

Рисунок П.2. Изменение фазовых траекторий в обществе Западного типа при уменьшении отношения c_1/b_{21} : (а) - начальное состояние, (б) - конечное состояние.

Ситуация, изображенная на рисунке, является иллюстрацией того, что в Западном обществе переход какого-либо субъекта к стратегии уменьшения отношения c_i/b_{ji} дает ему значительные преимущества и резко дестабилизирует обстановку, разрушая равновесное состояние. Исторической иллюстрацией этому является приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году. "Национал-социалистическая германская рабочая партия" завоевала большинство в Рейхстаге легитимно, в результате выборов. Однако сразу после этого по ее инициативе Рейхстаг принял закон о чрезвычайном положении, все остальные партии были запрещены, а профсоюзы распущены. Начался период нацистской диктатуры (высокое b_{ji}), закончившийся национальной катастрофой. Таким образом, ситуация равновесия в Западном обществе - состояние относительно неустойчивое (неустойчивое относительно используемых субъектами стратегий). Во имя обеспечения устойчивости нельзя допускать в Западное общество субъектов, использующих стратегию уменьшения c_i/b_{ji} . Именно поэтому так много усилий тратится на пропаганду и распространение западных ценностей ("права человека", "демократия", "неприкосновенная частная собственность" и т.п.) и на их защиту экономическими, политическими и военными средствами.

Аналогичная ситуация имеет место в отношении устойчивости систем социального управления (ССУ). Можно математически строго показать (см. (Малков, 2009)), что директивная система управления, характерная для Восточного общества, локально устойчива по отношению к изменению структуры, то есть при изменении количества и характера управленческих связей между элементами системы появляющиеся недостатки (прежде всего - увеличивающиеся затраты на управление) не компенсируются ожидаемым повышением эффективности ССУ. Не удивительно поэтому, что попытки государственного реформирования в странах Востока, как правило, заканчивались возвращением к жесткой директивной системе управления (к диктатуре, авторитарному режиму и т.п.). Более того, когда быстрое реагирование и согласованность действий являются главными критериями эффективности, жесткая директивная ССУ является единственно целесообразной и оправданной. Поэтому управление армий всего мира основывается на принципах директивной ССУ: на единоначалии, жесткой дисциплине и безусловном выполнении приказов.

В отношении адаптивной системы социального управления ситуация иная. Эта ССУ обладает высокой эффективностью и низкой затратностью только в том случае, если задействованы *все* связи между элементами. Если в силу каких-либо обстоятельств (преднамеренных или непреднамеренных) часть связей перестает функционировать, то эффективность управления резко падает. В условиях подобного кризиса выправить ситуацию зачастую становится возможным, лишь вводя в стране режим чрезвычайного положения (то есть переходя к жесткой директивной системе управления). Совершить обратный переход (вернуться к начальному состоянию) существенно сложнее, осуществимость обратного перехода зависит от ряда условий. Основным из этих условий является способность и желание членов общества отстаивать

свою экономическую независимость и суверенность по отношению к центральной власти, что характерно для Западного общества и не характерно для Восточного.

Проведенный анализ показывает, что и Восточное и Западное общество обладают устойчивостью, но это устойчивость разного типа. Устойчивость Восточного общества можно назвать "статической", а Западного - "динамической". Устойчивость Восточного общества обеспечивается тем, что стратегия уменьшения отношения c_i/b_{ji} является выигрышной для каждого субъекта и поэтому постоянно воспроизводится в процессе социальных взаимодействий. Устойчивость Западного общества возможна лишь до тех пор, пока все субъекты придерживаются стратегии увеличения отношения c_i/b_{ji} , хотя для каждого отдельно взятого субъекта эта стратегия не является оптимальной. То есть устойчивое существование Западной модели социума - это реализация *коллективного эффекта в обществе "чужих"*, возможная лишь при достаточно высокой ресурсной обеспеченности (необходимой для экономической независимости субъектов) и при господстве строго определенных социально-психологических и этических установок (приверженности западным ценностям).

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что отличие Востока и Запада закономерно: это два устойчивых социальные состояния-аттрактора, в которых экономические, организационные и социально-психологические параметры соответствуют друг другу вполне определенным образом. Для Запада характерно сочетание «рыночная экономика либерального типа - адаптивная система управления - первая этическая система», для Востока - сочетание «распределительная экономика - директивная система управления - вторая этическая система». Следуя С.Г.Кирдиной (Кирдина, 2004), можно Западное общество назвать Y-структурой, а Восточное X-структурой. Основные отличительные черты этих социальных структур отражены на схеме П.1. Важно, что Западное и Восточное общества отличны не только структурно, но и механизмами самоорганизации и обеспечения устойчивости (выживаемости). Именно это не дает им сойтись, делает неустойчивыми симбиозные социальные образования.

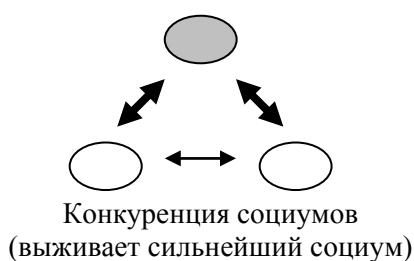
Устойчивые институциональные структуры

Х-структура (Восток)

1. Регулируемая экономика
2. Директивная централизованная система управления
3. Примат коллективизма в социально-психологической сфере

Условия формирования:

- недостаток ресурса;
- сильный внешний враг

Цель: - выживание социума

Способ достижения цели:

- объединение слабых вокруг сильного (сильная центральная власть)

Приоритеты:

- улучшение управления;
- обеспечение единства общества

Этическая система №2: «декларация добра» (идеологическое единство)

Угрозы системе:

- дезинтеграция (потеря единства общества);
- бюрократизм, коррупция

Объект защиты:

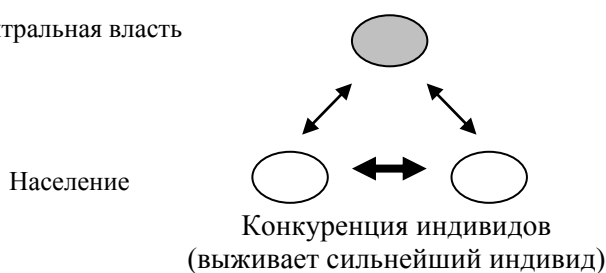
- социальная организация (государство)

У-структура (Запад)

1. Либеральная экономика
2. Адаптивная (демократическая) система управления
3. Примат индивидуализма в социально-психологической сфере

Условия формирования:

- много разнообразных ресурсов;
- слабый внешний враг

Цель: - независимое развитие индивидов

Способ достижения цели:

- объединение слабых против сильного (слабая центральная власть)

Приоритеты:

- инициирование внутренней конкуренции, плюрализма, экономической активности

Этическая система №1: «запрет зла» (свобода действий в рамках закона)

Угрозы системе:

- монополизация власти;
- имущественное расслоение

Объект защиты:

- индивидуальные права и свободы

Замечание №1.

Утверждение о неустойчивости симбиозных социальных образований справедливо в отношении макроструктурной организации общества. Реально внутри X-обществ всегда существуют подсистемы, организованные по Y-принципу (например, рыночно-торговый сегмент в аграрных обществах), а в Y-обществах - подсистемы, организованные по X-принципу (например, армия и силовые структуры, системы государственного социального обеспечения в современных Западных странах). При этом в конкретном обществе соотношение X- и Y-элементов непостоянно во времени; сильнее всего оно зависит от изменения внешней ситуации: от увеличения или снижения ресурсной базы, от изменения опасности угроз существованию социума. Однако в конечном счете устанавливается оптимальный баланс X- и Y-элементов в подсистемах социума, но непременно при доминировании на верхнем уровне социальной иерархии либо X, либо Y-структуры.

Замечание №2.

Вообще-то, правильнее было бы вести разговор не о дилемме «Запад – Восток», а о дилемме X- и Y-структур. Это более научно; географическая привязка данного противопоставления (Запад-Восток) оправдана только тем, что оно проявилось и стало широко обсуждаться, когда после эпохи великих географических открытий Западная и Восточная цивилизации стали тесно соприкасаться друг с другом и обнаружили свою кардинальную непохожесть. При этом страны Запада развивались в основном в русле Y-структур, а страны Востока – в русле X-структур.

Как уже отмечалось, действительными причинами формирования социальных структур в X- или Y-направлении являются условия внешней среды (природно-климатические, географические, ресурсные факторы) и характер внешних угроз существованию социума. Анализ влияния внешней среды на формирование X- и Y-структур приведен в работах (Кирдина, 2001, 2004).

Замечание №3.

Поскольку природная и технологическая среда может изменяться во времени (природная среда – в меньшей, а технологическая – в большей степени), то это может приводить к смене доминирующих структур в ходе исторического развития социума. Так, переход от аграрного к индустриальному обществу, от преобладания земледелия к преобладанию промышленного производства сопровождается усилением давления в сторону доминирования Y-структур, что связано с неизбежным усилением роли рыночных отношений в экономике, индивидуализма, демократических тенденций в управлении.

Раздел 2. Дилемма «Запад-Восток» и путь России

Итак, различие Западного и Восточного типов общества во многом определяется тем, что в них реализованы две диаметрально противоположные стратегии обеспечения устойчивости функционирования социума, соответствующие двум базовым состояниям. В Западных обществах базовыми ценностями, следование которым поддерживает социальную устойчивость, являются:

1. экономическая и политическая свобода, обеспечение «прав человека»;
2. священная и неприкосновенная частная собственность;
3. демократия;
4. правовой характер общества, равенство всех перед законом;
5. разделение законодательной, исполнительной и судебной власти.

Реально, эта система ценностей направлена против чрезмерного усиления центральной власти, монополизма в любых его проявлениях; ее суть можно определить как **«объединение слабых против сильного»**.

Соответственно, для Восточных обществ характерны:

1. ограничение личных свобод в пользу прав центральной власти;
2. примат общественной и государственной собственности над частной;
3. авторитаризм в политике;
4. неправовой характер общественных отношений, жизнь по традициям и «по понятиям», а не по формальным законам;
5. концентрация различных видов власти в одних руках.

Эта система отношений формируется, как правило, в условиях серьезной внешней угрозы и объективно способствует усилению центральной власти; ее сутью является **«объединение слабых вокруг сильного»**.

К какому же из этих двух основных типов обществ относится (или должна относиться) Россия? Какой логике поведения ей надо придерживаться, чтобы обеспечить социальную устойчивость? Об этом уже много столетий спорят историки, образованная часть общества (западники и славянофилы, рыночники и «почвенники» и т.п.), но безрезультатно. На поверхности - характерная для России внешняя противоречивость социального поведения (воспринимаемая как шараханье из крайности в крайность), его несоответствие ни западным, ни восточным моделям, например:

- почвенный российский коллективизм уживается с периодически происходящими жесточайшими внутренними социальными «разборками», а идущая на протяжении всей российской истории вооруженная борьба с геополитическими соседями сочетается с удивительной терпимостью к ним же в мирное время и с всепрощенчеством;
- потрясающая управленческая бездарность в спокойные исторические периоды соседствует с поразительными свершениями в кризисные эпохи, когда казалось бы нет никаких шансов на успех и ситуация безвыходная.

Все это стало причиной повторяющихся рассуждений о «загадочной русской душе», о «русской непредсказуемости» и т.д. Но так ли уж все загадочно и непредсказуемо? Может быть, здесь есть своя логика?

Если действовать в рамках научной методологии, то поиск причин возникновения тех или иных особенностей в развитии общества нужно начинать с анализа условий его существования. Поэтому проанализируем условия, в которых протекали (и до сих пор протекают) процессы социальной самоорганизации в России.

В таблице П.1 приведено обобщенное сравнение условий, оказавших важное влияние на формирование социальных институтов в странах Востока, Запада и в России в доиндустриальную эпоху (статистические данные для сопоставления приведены в разделе 3 Приложения).

Таблица П.1.

№	Фактор	Восток	Запад	Россия
1.	Естественное плодородие почв, обеспеченность агресурсами (в зависимости от существующих природно-климатических условий)	*	**	***
2.	Внешние военные угрозы	***	*	***
3.	Наличие людских ресурсов	*	**	***
4.	Развитость коммуникаций	*	**	***

Примечания:

а) в отношении таблицы в целом:

- под Востоком понимаются средневековые страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока; под Западом - средневековая Западная Европа (до XV века), в которой постепенно складывались предпосылки для формирования капитализма;

- благоприятное состояние рассматриваемого фактора отражено в таблице одной звездочкой, неблагоприятное - тремя, среднее - двумя. Сравнение проводится синхронистически - для одинаковых исторических периодов;

б) в отношении первого фактора: уровень естественной обеспеченности агресурсами зависит от природно-климатических условий в регионе;

в) в отношении второго фактора: в доиндустриальную эпоху наибольшую опасность для земледельческих народов представляли кочевники. Всего больше доставалось районам, прилегающим к степям и пустыням. Западную Европу в силу ее лесистого характера и периферийности положения в Евразии кочевники практически не тревожили. Средневековые европейские войны имели характер внутренних «разборок» христианских государей друг с другом и, как правило, не слишком сильно влияли на жизнь простого народа;

г) в отношении третьего фактора: в качестве показателя наличия людских ресурсов используется средняя плотность населения;

д) в отношении четвертого фактора: развитость транспортных коммуникаций (прежде всего, сухопутных) зависит от лесистости территории и природно-климатических условий в регионе.

Рассмотрим влияние первых двух факторов из таблицы П.1 на процессы социальной самоорганизации в разных регионах.

В странах Востока в силу сравнительно благоприятных климатических условий обеспеченность агроресурсами была достаточно хорошей; но с другой стороны, был высок уровень военных угроз. Это объективно способствовало тому, что имеющиеся свободные ресурсы аккумулировались элитой в своих руках и тратились на военные и другие нужды. Обратной стороной такой ситуации было то, что органы центральной власти становились гипертрофированно сильными, переставали считаться с народом; устанавливались авторитарные режимы, формировавшие общество «под себя» сверху вниз. Нарастающее давление центральной власти периодически приводило к социальным кризисам и народным восстаниям, но после них все возвращалось «на круги своя» и вновь воспроизводилась социальная система X-типа (см. раздел 1 Приложения).

В странах Западной Европы в силу менее благоприятного климата агроресурсов было существенно меньше (см. раздел 3 Приложения), и центральной власти их доставалось немного. С другой стороны, потребность в центральной власти была не велика, поскольку был существенно меньшим уровень внешних угроз, от которых власть должна была защищать население. В этих условиях центральная власть не пользуется поддержкой снизу и слабеет в борьбе с центробежными тенденциями в среде элиты; ее возможности ограничиваются, возникают процессы социальной самоорганизации снизу вверх на основе принципа субсидиарности, постепенно формируется социальная система западного типа. В этом - одна из причин длительной феодальной раздробленности в Западной Европе, закончившейся в конечном счете победой буржуазного строя, то есть победой индивидуализма, частных интересов граждан над претензиями центральной власти.

На северо-восток от Западной Европы природно-климатические условия становятся еще более суровыми (Милов, 1998). Основной проблемой этносов становится обеспечение *физического выживания*. При низких ресурсных возможностях социальным надстройкам (в том числе, специализированным органам центральной власти) не на что существовать. В этом регионе логично было бы наблюдать неразвитость государственности или ее полное отсутствие (именно это и наблюдалось у финно-угорских, самодийских народов; наблюдалось это и у славян до X века нашей эры). Однако на территории Восточно-Европейской равнины в Средневековье в суровых природно-климатических условиях возникла *социальная аномалия*: сильное централизованное аграрное государство «Московское царство», ставшее затем «Российской империей», потом «СССР» и сейчас «Российской Федерацией».

В чем причина такой аномалии? Откуда взялись ресурсы на создание в XV-XVI веках сильного государства, в то время как их катастрофически не хватало для сколько-нибудь сносного существования основной части этноса (Милов, 1998)? Чудес не бывает - такое возможно только за счет дополнительного урезания и без того чрезвычайно скудного потребления крестьян в пользу создания и поддержания государственных структур. Какова естественная реакция крестьянства на такое урезание, случись такое хоть на Востоке, хоть на Западе? Ответ предсказуем: неизбежен рост недовольства

крестьян, частые народные восстания. И таким восстаниям в истории стран Востока и Запада несть числа. Что же в России? - Здесь типична обратная реакция: добровольное затягивание поясов, смирение, непротивление и упование на «царя-батюшку». Чем такую реакцию объяснить?

Распространенный (и очень популярный в среде либеральных публицистов) ответ таков: причина подобного поведения - в рабском характере и природной пассивности русского народа, в страхе перед властью, воспитанном в народе самодержавием - тяжелым наследием монголо-татарского ига. То есть - сами виноваты. Что же делать? - Выдавливаться из себя раба, отстаивать свои права, бороться за них, не давать власти помыкать собой. То есть - быть такими, как все «нормальные» народы.

Но мы уже знаем, что «нормальный» народ в таких условиях государство образовать не смог бы - на это попросту не хватает ресурсов. Тут либо «натягивание одеяла на себя» ценой ослабления центральной власти, либо жесткое самоограничение ради укрепления централизованного государства - третьего не дано. Киевская Русь пошла по первому пути, типичному для феодальной Европы. Кончилось это раздробленностью, княжескими междоусобицами и татаро-монгольским завоеванием. Московская Русь выбрала второй путь, позволивший ей консолидировать силы, избавиться от завоевателей и стать Российской империей.

Здесь мы сознательно избегаем этических оценок: кому-то нравится Российская империя («великое евразийское государство»), кому-то не нравится («тюрьма народов»). Мы лишь констатируем объективный факт: в условиях Русской равнины устойчивая государственность возможна только при *добровольном самоограничении* народа в пользу центральной власти (это можно называть хоть «самоотверженностью», хоть «рабской психологией», суть не меняется). Чем обусловлено возникновение этого социально-психологического феномена, характерного по существу только для русских и больше ни для какого народа ни на Востоке, ни на Западе? Почему русские такие «ненормальные»? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним роль государства на Востоке, на Западе и в России (рассмотрение будем вести крупными мазками, чтобы ярче высветить главное).

Древнейшие государства возникли на Востоке в так называемых «речных цивилизациях» (долины Нила, Инда, Хуанхэ, междуречье Тигра и Ефрата). Важнейшей функцией этих государств была *хозяйственная* - организация населения на проведение коллективных ирригационных работ. В условиях «речных цивилизаций» ирригационные работы позволяли резко повысить урожайность, поэтому в их эффективности было заинтересовано все общество. Если по каким-либо причинам государство ослабевало, то ирригационные системы приходили в упадок, урожайность падала, возникал голод, вспыхивали гражданские войны, наступала гуманитарная катастрофа. Поэтому к центральной власти относились терпимо (особенно, в конфуцианских странах), считали, что власть должна быть сильной и мудрой. С поборами в пользу государства мирились, тем более что ресурсов хватало на

всех. Однако если положение народных масс ухудшалось и виновным в этом оказывалось государство, народ поднимался на восстания.

В средневековой Западной Европе государство не выполняло хозяйственных функций и работало лишь на себя. Общество от центральной власти ничего (кроме необходимости платить налоги) не имело. Поэтому происходили постоянные внутренние конфликты. Размеры и сила государств по существу определялись размером средств, которые государству удавалось изъять у своих подданных, но их было немного. Реальным источником доходов была война с соседями, но только если эта война успешная, а это было далеко не всегда. Так что государство на Западе воспринималось обществом в основном как обуза: народ жил своей жизнью, государство - своей. (Ситуация стала меняться в эпоху буржуазных революций, но это было уже в XIX веке.) Естественно, общество не было заинтересовано в усилении центральной власти, всячески ей противилось, стремилось как-то ее ограничить (в Англии - парламентом, во Франции - Генеральными штатами и т.п.), стать независимым от нее. Противостояние общества и государства, постоянные внутренние конфликты были причиной длительной феодальной раздробленности в Западной Европе. Слабость Европы, к счастью для нее, не закончилось катастрофой. Ее спасло то, что она не представляла особого интереса для сильных геополитических соседей: ни арабы в VIII веке, ни монголы в XIII веке в лесные районы Западной Европы не пошли, вернулись в свои степи и полупустыни; турки-османы серьезно тревожили только юг Европы.

В России ситуация была другая. Россия в силу своего географического положения постоянно подвергалась нападениям и со стороны Великой Степи, и со стороны Запада. Причем нападали иноверцы, и борьба была беспощадная, на уничтожение. В этих условиях существование народа возможно было *только при наличии сильного государства*, способного организовать отпор врагу. Есть государство - есть народ, нет государства - нет народа. То есть сильное государство становится гарантом *выживания* этноса. Жалко ли пожертвовать личным достатком в пользу сильного государства ради обеспечения безопасности? - Не жалко! И это был осознанный выбор русского этноса.

Если у других народов взаимоотношения с властью строились в основном по поводу материальных проблем и при ухудшении материального состояния народных масс естественной их реакцией был бунт против власти, стремление заставить считаться с собой путем неповиновения, то у русских выработалась стратегия, противоположная по своей сути: основные угрозы воспринимались как исходящие не от власти, а извне, поэтому с данной Богом властью смирялись и при ухудшении ситуации шли на сокращение потребления с тем, чтобы высвободившиеся ресурсы объединить под началом власти для отпора внешнему врагу. Западный наблюдатель трактовал такое поведение как проявление «рабской психологии» русского народа и был не прав: самоограничение и подчинение власти в условиях России в действительности создавало необходимые условия для этнического

выживания, для объединения скудных ресурсов в борьбе с внешними угрозами. *Выживание этноса в условиях хронической нехватки ресурсов и при постоянных военных угрозах* возможно лишь за счет:

1. *мобилизационных мер* концентрации ресурсов в руках центральной власти в форс-мажорных обстоятельствах (а такие обстоятельства возникали постоянно);

2. *перераспределения* сконцентрированных ресурсов из центра на приоритетные направления без упования на рыночные механизмы саморегуляции (частная собственность в этом случае является помехой, тормозящей процессы концентрации и централизованного перераспределения ресурсов в форс-мажорных обстоятельствах);

3. обеспечения *психологической поддержки* или, по крайней мере, непротивления со стороны населения действиям центральной власти (в противном случае мобилизация ресурсов не может быть центральной властью осуществлена);

4. *снижения конфликтного давления* со стороны периферии страны на ее центр (это необходимо для снижения затрат на управление страной в условиях ограниченных ресурсов).

Только при очень низком значении внутренней конфликтности возможно устойчивое существование общества с низким уровнем ресурсной обеспеченности и высоким уровнем внешних угроз. Но как добиться низкого уровня конфликтности в условиях неизбывной нужды основной части населения? Для Западного и Восточного обществ эта задача не решается. Эту задачу удалось решить только в российском обществе, и определяющим оказался *психологический* фактор. Только *самоограничение* и *добровольное* подчинение власти, утвердившееся в качестве императива народной жизни, обеспечило устойчивое существование государства российского. Власть, конечно, этим пользовалась, на этом паразитировала (и при царях, и при СССР), не понимая, что пилит сук, на котором сидит. Но, тем не менее, запаса прочности хватало надолго. Сейчас происходит целенаправленная попытка смены социально-психологических императивов в обществе под лозунгом: «не надо выдумывать особых путей развития; надо жить, как во всех цивилизованных странах». Объективно это приводит (и уже привело) к резкому повышению внутренней конфликтности и снижению социальной устойчивости.

Обратимся теперь к третьему фактору, отмеченному в таблице П.1, к наличию людских ресурсов (см. раздел 3 Приложения). Для стран Востока характерна относительная перенаселенность, людских ресурсов много, поскольку высок уровень ресурсной обеспеченности. В странах Запада относительная плотность населения в эпоху средневековья была ниже, что связано с менее благоприятными природно-климатическими условиями, с меньшей обеспеченностью ресурсами. Но и на Востоке и на Западе в периоды, когда в силу каких-либо причин ощущался недостаток рабочей силы, последняя повышалась в цене, и эти периоды характеризовались хотя бы временным, но улучшением положения народных масс (Нефедов, 2003). В

России в условиях низкой ресурсной обеспеченности сформировалась иная логика развития событий. Увеличить количество рабочей силы за счет увеличения зарплаты было невозможно - не было свободных финансовых ресурсов. Каков же выход в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств? - Переход к принудительной трудовой *мобилизации*, фактически являющейся средством резкого *удешевления* рабочей силы.

Есть ли в этом логика? - Есть. Действительно, если рабочей силы не хватает, но есть финансовые возможности, естественным способом привлечения дополнительных рабочих рук является повышение заработной платы. Причем, на Востоке эта мера была, как правило, кратковременной в силу быстрого воспроизводства населения до избыточного уровня. В Западной Европе возможности для быстрого воспроизводства населения были хуже, плотность населения - ниже. Это естественным образом обусловило относительную дороговизну рабочей силы и стимулировало стремление заменить ее машинами, что в конечном итоге привело к расцвету изобретательства и к промышленной революции.

Когда же рабочая сила и финансовые ресурсы находятся в еще большем дефиците (что является типичным для России) и рыночные механизмы перестают работать, привлечение дополнительной рабочей силы возможно только за счет трудовой мобилизации, когда люди трудятся за мизерную плату или вообще бесплатно. Наблюдается своеобразная бифуркация: при уменьшении ресурсной обеспеченности в определенный момент вместо удорожания рабочей силы происходит ее резкое удешевление, и только это позволяет обеспечивать необходимую для выживания социума концентрацию трудовых ресурсов. (Так было и в эпоху реформ Петра I, и в эпоху СССР. В резком снижении реальной стоимости рабочей силы заключается экономический смысл крепостного права¹.) При этом мобилизация не воспринимается как нечто из ряда вон выходящее. Психологически она воспринимается как вынужденная необходимость; и это верно, поскольку именно благодаря ей социуму удается выжить в форс-мажорных обстоятельствах (терпимость русского народа к мобилизационным мерам нередко трактуется как проявление «рабской психологии», но в действительности это лишь один из механизмов социального выживания. Конечно, власть всегда стремилась использовать мобилизационный режим для упрочения своих позиций, злоупотребляя терпимостью народа, но это отрицательно характеризует ее, а не народ).

Итак, в кризисных ситуациях в условиях дефицита рабочей силы и материальных возможностей логичен переход общества в мобилизационный режим (Прохоров, 2002), заключающийся:

- в нерыночной, добровольно-принудительной концентрации имеющихся в обществе ресурсов;

¹ Не случайно, когда в XV веке произошло ухудшение экономического положения в Европе, реакция к востоку и к западу от Эльбы была прямо противоположной. Восточнее Эльбы возродилось крепостное право, которого не было на этих территориях уже несколько столетий, в то время как западнее Эльбы произошло усиление либеральных, рыночных отношений в сельском хозяйстве (От аграрного общества, 1998).

- в направлении этих ресурсов на решение ограниченного числа приоритетных задач (остальные задачи считаются второстепенными и решаются по остаточному принципу, если вообще решаются);
- в объединении усилий, в идейной и организационной консолидации общества (для чего нужно снизить внутреннюю конфликтность c_i и достичь высокой степени гомогенности общества, в частности, путем выявления «внутренних врагов» и избавления от них).

Такой способ выхода из кризисных ситуаций типичен для России и отличает ее от Западных и Восточных обществ. Там ухудшение материальных условий жизни, снижение ресурсной обеспеченности обычно приводит к нарастанию внутренних противоречий, к дестабилизации и дезинтеграции общества. В России в этих же условиях, как правило, происходит консолидация общества («беда объединяет») с переходом в мобилизационный режим, помогающий сконцентрировать ресурсы и преодолеть кризис. Это зачастую происходит с большими издержками и людскими потерями, но цель - выход из кризиса - тем не менее, достигается. Способность быстрого перехода к мобилизационному режиму, сформировавшаяся у русского этноса, находится в резком противоречии с психологией рыночных отношений. Именно психологическими проблемами (несовместимостью мобилизационных и рыночных установок) объясняются многие системные трудности, с которыми столкнулось российское общество в конце XIX - начале XX века, а также в конце XX века, когда пытались пойти по западному пути развития.

Что касается «развитости коммуникаций» - четвертого фактора, рассмотренного в таблице П.1, то его влияние на формирование социальных институтов заключается в следующем.

На Востоке в степной, полупустынной и прилегающих к ним зонах сухопутные коммуникации в средневековую эпоху были развиты хорошо, особенно у кочевых народов. Это позволяло власти контролировать большие разнородные пространства, способствовало формированию централизованного управления директивного типа (Малков, 2009). Связность государственной территории осуществлялась через центр (см. рис.П.3(а)).

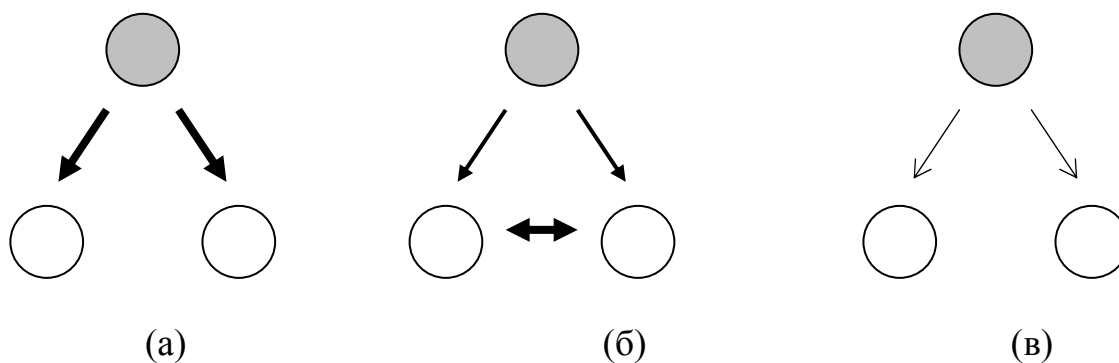

Рисунок П.3. Типовые схемы социального управления на Востоке (а), на Западе (б) и в России (в). (Схемы характеризуют тип взаимодействия центральной власти (круг серого цвета) и управляемых территорий (светлые круги). Толщина стрелок характеризует силу связей между составными частями социума.)

Западная Европа в раннем средневековье была достаточно лесистой, сухопутные коммуникации были затруднены. Это способствовало политической раздробленности, слабости влияния центральной власти. Единство территорий поддерживалась в основном за счет горизонтальных торговых связей (см. рис.П.3(б)) и развития рыночных отношений (ярмарки, торговые взаимобмены).

В России плотность населения была чрезвычайно низкой (см. раздел 3 Приложения), территория - обширной и трудно проходимой, долгое время практически единственным средством коммуникаций были реки. По существу, Россия представляла собой совокупность практически не связанных друг с другом островков населения, живущих натуральным хозяйством (см. рис.П.3(в)). Роль центральной власти на местах по существу была номинальной и экономически неэффективной («до Бога высоко, до царя далеко»), но объективная потребность в ней, тем не менее, существовала в силу необходимости обеспечения единства страны перед лицом внешних угроз (об этом говорилось выше). Вследствие этого на территории России возникло необычное явление. И на Западе и на Востоке при ослаблении центральной власти происходило усиление сепаратизма и центробежных тенденций, дезинтеграция территорий. Так, слабое развитие коммуникаций в Западной Европе в раннем средневековье способствовало длительному существованию феодальной раздробленности. Однако в России, где связь между регионами была еще хуже (что нашло отражение в известной поговорке о двух российских напастях - дураках и дорогах) и следовало бы ожидать еще большей дезинтеграции², сформировалось централизованное Московское царство, что было бы невозможно, не будь поддержки снизу, со стороны

² Кстати, киевский период русской истории (IX-XIII вв.), когда страна во многом повторяла западный путь развития, закономерно закончился сильной раздробленностью (возникновением более пятидесяти отдельных княжеств на территории первоначально единого государства). Логичным завершением этого периода было монгольское завоевание.

широких народных масс. Реально, на российской равнине сформировалась система экономически не связанных друг с другом автономных территориальных «кластеров», функционирующих по принципу самоорганизации и самоуправления (ярким примером такой структуры является крестьянская община), объединение которых обеспечивалось за счет психологического фактора - осознания необходимости принадлежности к единому государству, *добровольного* подчинения центральной власти (несмотря на все ее изъятия). Когда такое осознание ослабевало, наступал период смут и распада, когда снова возрождалось - начинался период консолидации и экономического роста. Роль центральной власти в такой системе заключалась в мобилизации, концентрации и целевом распределении ресурсов на направления, обеспечивающие жизнеспособность общества. Во всем остальном «кластеры» действуют по существу автономно, исходя из реально складывающейся конкретной ситуации (то есть - по обстановке). Такая система даже при крайней нехватке свободных ресурсов обеспечивает высокую живучесть социума в экстремальных ситуациях: «кластеры» способны действовать самостоятельно для достижения общей цели даже в условиях, когда связь с центром прервана и централизованное управление отсутствует³.

Таким образом, на территории Русской равнины с древних времен сложились условия, обусловившие формирование механизмов социальной самоорганизации, существенно отличавшихся от соответствующих механизмов, присущих обществам как Запада, так и Востока. Своеобразие этих механизмов позволяет говорить о самостоятельности *российской цивилизации*, ее непохожести на другие цивилизации мира.

³ Этим, в частности, объясняется высокая эффективность партизанского движения на территории России как в период Отечественной войны 1812 года, так и период Второй мировой войны.

Раздел 3. Справочные демографические и экономические данные

Таблица П.2. Население отдельных стран в XV-XX вв. (в млн., территория - в изменяющихся границах)

Страна	1480 г.	1580 г.	1680 г.	1780 г.	1880 г.	1913 г.	1940 г.	1970 г.	1980 г.	1987 г.
Россия	2,5	5,4	10,2	27,8	84	159	194	243	266	282
Великобрит.	3,7	4,6	5,5	9,6	35,0	41,5	48,2	55,6	56,4	56,9
Германия	0,8	1,0	1,4	5,5	45,7	67,0	66,6	58,5	59,7	59,3
Франция	12,6	14,3	18,8	25,1	37,4	39,8	39,8	50,8	53,9	55,6
США	-	-	0,2	3,1	50,2	97	132	205	228	244
Япония	...	...	...	30	36,6	51,3	71,9	104	117	122

Таблица П.3 - Плотность населения отдельных стран в XI-XX вв. (человек на кв. км)

Страна	XI в.	1500 г.	1680 г.	1820 г.	1880 г.	1913 г.	1930 г.	1950 г.	1970 г.	1987 г.
Россия	2,5	5,8 ^а	0,2	2,4	3,8 ^б	7,5	7,5	8,3	11,3	13,2
(евро. часть)	2,5	5,8	4,7	7,7	13,0	24,4	24,5	26,1	29,2	37,9
Великобрит.	14	23	32	66	112	182	189	207	228	233
Германия	...	...	16	48	84	124	139	193	236	239
Франция	...	31	36	57	69	74	76	76	93	101
США	-	-	0,1	2,1	6,5	12,3	15,9	19,6	22,2	26,0
Япония	...	...	...	81 ^б	106	145	161	229	277	328

а - 1462 г., б - 1870 г., в - 1800 г.

Таблица П.4 - Ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении мужчин (М) и женщин (Ж) в отдельных странах в XV-XX вв. (число лет)

Страна		1840-е	1870-е	1880-е	1900-е	1930-е	1950-е	1970-е	1980-е
Россия	М	24,6	28,0	29,0	32,4	44,0	64,4	63,0	63,5
	Ж	27,0	30,2	31,0	34,5	49,7	71,7	73,5	73,0
Великобритания	М	40,2	41,9	43,7	51,5	58,7	67,5	68,9	72
	Ж	42,2	45,2	47,2	55,4	62,9	73,0	75,1	77
Германия	М	...	35,6	...	47,4	59,9	64,5	67,4	71
	Ж	...	38,4	...	50,7	62,8	68,5	73,8	78
Франция	М	38,3	40,8	...	48,5	55,9	65,0	68,6	72
	Ж	40,8	43,4	...	52,4	61,6	71,2	76,4	80
США	М	38,3	41,7	42,5	48,7	62,0	66,7	67,4	71
	Ж	40,5	43,5	44,5	52,4	65,4	73,8	75,1	78
Япония	М	...	...	...	44,3	46,9	63,9	70,5	75
	Ж	...	...	...	44,7	49,6	68,4	75,9	80

Таблица П.5 - Городское население в отдельных странах в XIX-XX вв. (в %)

Страна	1800 г.	1850 г.	1890 г.	1920 г.	1930 г.	1950 г.	1970 г.	1987 г.
Россия	8,5	7,2	12,5	15,0	23,3	39,0	56,0	66,0
Великобритания	21,3	39,5	72,1	78,0	80,0	80,5	79,1	76,0 ^а
Германия	...	26,5	47,0	62,9	66,0	70,9	82,2	94,0 ^б
Франция	9,5	14,4	37,4	46,7	49,0	54,4	70,0	73,0 ^в
США	3,8	12,0	37,7	51,4	56,2	64,0	73,5	74,0 ^г
Япония	17,0	...	...	18,1	32,0	37,5	63,0	77,0 ^д

а - 1973 г., б - 1986 г., в - 1982 г., г - 1980 г., д - 1985 г.

Таблица П.6 - Урожайность зерновых культур в отдельных странах в XIX-XX вв. (в центнерах с га)

Страна	1888 г.	1913 г.	1921 г.	1929 г.	1939 г.	1953 г.	1970 г.	1986 г.
Россия	5,9	8,7	4,8	7,7	8,9 ^а	8,0	15,9	17,5
Великобритания	15,5	17,4	18,1	20,3	20,2	23,5	35,3	56,2
Германия	10,8	20,7	16,6	21,1	21,6	25,3	33,4	52,0
Франция	10,9	12,9	13,4	16,0	17,7 ^б	19,0	33,7	55,2
США	10,5	11,7	12,2	11,9	13,3	16,4	31,4	47,0
Япония	17,1	22,2	22,9	25,4	29,6	25,4	49,3	57,2

а - 1940 г., б - 1938 г.

Таблица П.7 - Протяженность дорог в отдельных странах в XIX-XX вв.^а

Страна	1835 г.	1865 г.	1887 г.	1912 г.	1928 г.	1950 г.	1970 г.	1986 г.
Россия ^б	...	<u>62</u> 11	<u>105</u> 19	<u>31</u> 6	<u>32</u> 6	<u>177</u> 32	<u>512</u> 91	<u>827</u> 148
Великобритания	<u>204^в</u> 648	<u>210^в</u> 667	<u>190^в</u> 603	<u>258</u> 819	<u>288^г</u> 1180	...	<u>323</u> 1324	<u>352</u> 1443
Германия	...	...	<u>426</u> 1270	<u>279</u> 516	<u>349</u> 744	...	<u>376</u> 1516	<u>426</u> 1718
Франция	<u>74</u> 140	<u>266</u> 502	<u>514</u> 957	<u>576</u> 1073	<u>652</u> 1183	...	<u>699</u> 1285	<u>717</u> 1318
США	<u>167</u> 36	<u>273^д</u> 59	<u>418</u> 53	<u>413</u> 53	<u>1066</u> 136	<u>2583</u> 330	<u>4783</u> 511	<u>5640</u> 607
Япония	...	...	...	...	<u>920</u> 2408	<u>910</u> 2446	<u>1015</u> 2728	<u>1127</u> 3030

а - числитель - длина дорог (в тыс. км), знаменатель - длина дорог на 1000 км² территории (в км). До 1912 г. дороги грунтовые и шоссейные, с 1912 г. дороги с твердым покрытием

б - европейская часть России, в - Англия и Уэльс, г - без Северной Ирландии, д - 1850 г.

Источник: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Т.2. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С.377-410.

Литература

1. Гумилев Л.Н. 1989. Этногенез и биосфера Земли. - Л.: ЛГУ.
2. Кирдина С.Г. 2001. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
3. Кирдина С.Г. 2004. X и Y-экономики: Институциональный анализ. - М.: Наука.
4. Красильников В.А. 1998. Вдогонку за прошедшим веком. - М.: РОССПЭН.
5. Лефевр В.А. 2003а. Рефлексия. - М.: Когито-Центр.
6. Лефевр В.А. 2003б. Алгебра совести. - М.: Когито-Центр.
7. Малков С.Ю. 1998а. Политика с точки зрения синергетики // Стратегическая стабильность, №3, с.90-99.
8. Малков С.Ю. 1998б. Использование методов исследования устойчивости сложных систем для анализа условий стабильного развития стран европейского региона // Стратегическая стабильность, №2, с.81-92.
9. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Малков А.С. 1999. Математическое моделирование социально-экономических процессов.

Применение моделей к анализу перспектив российских реформ // Стратегическая стабильность, №1, с.34-46.

10. **Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Малков А.С. 2000.** Российские модернизации последнего столетия в свете математического моделирования // Техничко-экономическая динамика России: техника, экономика, промышленная политика. М.: ГЕО-Планета, с.215-238.

11. **Малков С.Ю., Малков А.С. 2005.** О влиянии природно-климатических факторов на особенности социально-психологического и экономического развития обществ // История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики. - М.: КомКнига, с.49-69.

12. **Малков С.Ю. 2009.** Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования. – М.: Либроком.

13. **Милов Л.В. 1998.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М.: РОССПЭН.

14. **Нефедов С.А. 2003.** Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток, №3, с.5-22.

15. **От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. 1998.** М.: РОССПЭН.

16. **Паршев А.П. 2001.** Почему Россия не Америка. – М.: Форум.

17. **Прохоров А.П. 2002.** Русская модель управления. - М.: ЗАО «Журнал Эксперт».

18. **Фукуяма Ф. 1995.** Конец истории? // Философия истории. Антология. М.

19. **Хантингтон С. 2003.** Столкновение цивилизаций. - М.: ООО "Издательство АСТ".

20. **Чернавский Д.С. 2002.** Модель целеполагания и идеологическое единство России // О социально-экономических проблемах России. Вып.7. - М.: РИИС ФИАН, с.41-59.

21. **Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.С. 2003.** Математическое моделирование геополитических процессов // Системные проблемы качества, математического моделирования, информационных и электронных технологий. Часть 7. Имитационное моделирование и конфликтология. - М.: Радио и связь, с.150-170.

22. **Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков А.С., Малков С.Ю. 2005.** Борьба условных информаций // История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики. - М.: КомКнига, с.88-102.